

18+ Татьяна Гущина

*Первая
любовь
не умирает*

Татьяна Гущина

Первая любовь не умирает

<https://litres.ru/74151654>

ISBN 9785007012058

Аннотация

Роман раскрывает глубокую и трогательную историю первой любви, которая становится для героев точкой отсчёта всей дальнейшей жизни. В центре повествования — Лиза и Марк, чьи чувства зарождаются в юности, проходят через годы нежности, испытания ревностью и предательством, и в итоге приводят к болезненному расставанию.

Спустя годы тишины и разлуки история подводит к осмыслению того, что истинные чувства не исчезают бесследно — они лишь меняют форму, становясь частью внутреннего мира человека.

Содержание

ПРОЛОГ: ТОЧКА ОТСЧЁТА	5
Глава 1. Пять лет нежности	8
Глава 2. Тень раздора	13
Глава 3. Побег в чужую жизнь	18
Глава 4. Пятнадцать лет тишины	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Первая любовь не умирает

Татьяна Гущина

© Татьяна Гущина, 2026

ISBN 978-5-0070-1205-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ: ТОЧКА ОТСЧЁТА

Первая любовь никогда не проходит.

Она может замолчать, стать тише, чем дыхание перед сном. Может раствориться в шуме дней, спрятаться между заботами, списками дел, разговорами ни о чём и усталостью, которая приходит по вечерам. Она может сменить имя, город, фамилию. Может остаться в старых фотографиях, в случайной песне, в запахе дождя или весеннего ветра. Может стать воспоминанием, о котором не говорят вслух — сначала из боли, потом из приличия, а позже — из странной, почти светлой благодарности.

Но она остаётся.

Первая любовь — это не просто человек. Это точка отсчёта, невидимая граница между «до» и «после». До неё мир был теорией — аккуратной, понятной, почти безопасной. После — стал ощущением: острым, живым, иногда пугающим. До неё сердце билось ровно, не задавая вопросов. После — научилось сбиваться, ускоряться, замирать в ожидании, разрываться от боли и, вопреки всему, собираться заново. Уже другим. Уже не таким беззащитным — и никогда больше таким же чистым.

Мы редко понимаем, что живём внутри истории, которая однажды станет нашей главной. Мы не замечаем, как простые разговоры превращаются в воспоминания, как случай-

ные встречи — в судьбоносные. В четырнадцать кажется, что чувства — это навсегда, что мир можно удержать за руку и не отпустить. В двадцать — что всё можно начать заново, забыть, переписать, стереть, как будто ничего не было. В тридцать — что слишком многое уже определено, что время расставило всё по местам и менять что-то поздно.

А истина, как всегда, прячется где-то между — там, где прошлое ещё живо, а будущее уже дышит в затылок.

Эта история не о безупречных людях. Не о тех, кто всегда выбирает правильно, говорит вовремя и не ошибается. И даже не о том, как сохранить любовь — потому что иногда её невозможно сохранить, как невозможно удержать воду в ладонях.

Она о том, что первая любовь формирует нас. Иногда — нежно, почти незаметно, как тёплый свет на коже. Иногда — жестоко, оставляя трещины там, где раньше было целое. Она учит выбирать — или не выбирать. Учит бороться за себя — или прятаться в чужих жизнях, соглашаясь на меньшее. Учит тому, что время не лечит так, как мы думаем: оно не стирает, не забывает. Оно лишь притупляет боль, делает её тише, даёт возможность однажды посмотреть на свою рану без крика — и, может быть, впервые понять, зачем она была нужна.

Иногда судьба разводит людей, чтобы они выросли, чтобы научились жить без друг друга, чтобы нашли в себе то, чего не хватало тогда.

Иногда возвращает — тихо, почти случайно, будто проверяя: стали ли они сильнее, честнее, смелее. Научились ли слышать не только другого, но и себя.

И если вам кажется, что ваша первая любовь давно закончилась, — возможно, она просто изменила форму. Стала частью вас, вашим внутренним голосом, вашим страхом или вашей силой. А может быть, она действительно ждёт — где-то на другом конце города, в другой жизни, в другом времени.

Потому что некоторые чувства не умирают.

Они не исчезают и не растворяются бесследно.

Они замолкают, уходят в тень, чтобы однажды вернуться — неожиданно, не вовремя, но всегда по-настоящему.

Они делают круг.

Глава 1. Пять лет нежности

В четырнадцать мир кажется огромным и понятным одновременно. Он шумит, сверкает, манит, но при этом будто уже готов раскрыть все свои тайны, если только протянуть руку.

Для Лизы этот мир внезапно сузился до одного человека — Марка.

Ему было восемнадцать, он казался взрослым, уверенным и почти непоколебимым. В её глазах он был рыцарем без доспехов, защитником без страха и первой вселенной, в которой было тепло.

Они познакомились в городском парке поздней весны 2001 года, когда воздух пах сиренью, а небо казалось выше обычного. Лиза пришла с подругами на фестиваль уличной музыки — праздник, который город устраивал уже третий год, но для неё это был первый раз без родителей. Она носила новые джинсы, купленные мамой специально к случаю, и футболку с надписью «Nirvana», которую не понимала, но считала очень взрослой.

Марк стоял у сцены, прислонившись к перилам, и слушал, как кто-то из старшеклассников играл на гитаре песню «Wonderwall». Он заметил, как Лиза пытается пробраться ближе, но запутывается в проводах от аппаратуры. Она споткнулась, и в этот момент он молча протянул руку — длин-

ную, с широкими костяшками пальцев, с заусенцами от работы с деревом.

— Осторожно, здесь легко упасть, — сказал он, и в его голосе было больше заботы, чем в словах.

Лиза подняла глаза. Солнце стояло прямо за его головой, и она видела только силуэт — высокий, с взъерошенными волосами, в джинсовой куртке с потёртыми локтями. Но потом он наклонился, и она увидела его глаза. Голубые, с ресницами, которые отбрасывали тень на скулы, и в них — что-то такое, что заставило её забыть о боли в ушибленном колене.

— Спасибо, — выдохнула она, и её голос звучал слишком высоко, по-детски.

— Тебе нравится Oasis? — спросил он, кивая на сцену.

— Кто?

Он рассмеялся. Не злобно, а как-то по-доброму, и Лиза почувствовала, как краска заливает её щёки.

— Пойдём, я покажу, где лучше слышно. И где нет проводов.

С тех пор он провожал её домой. Сначала — из вежливости, потом — по привычке, а затем — потому что не мог иначе.

Лиза слушала, как он рассказывает о своих планах поступить в архитектурный институт в другой город, о мечтах строить дома, которые «будут помнить людей». Она не всегда понимала, что значит эта странная фраза, но ей нрави-

лось, как горят его глаза, когда он говорит о пространстве, свете и том, как здания могут влиять на чувства тех, кто в них живёт.

— Дом — это не коробка для жилья, — объяснял он однажды, когда они сидели на лавочке у озера. — Дом — это продолжение тех, кто его населяет. Он должен подстраиваться под них, а не наоборот.

Лиза кивала, хотя представляла это с трудом. Ей было четырнадцать, и она жила в стандартном доме с мамой, где всё было «как у всех» — ковёр на стене, сервант с хрусталём, застеленная клеёнкой кухня. Она никогда не думала, что дом может быть чем-то необыкновенным.

Но она думала о том, что хочет жить в доме, который построит Марк.

Их любовь росла вместе с ними. Она была неловкой и искренней, как первые письма, которые они писали друг другу, хотя виделись каждый день. Марк оставлял записки в её школьном рюкзаке: «Улыбнись. Сегодня будет хороший день». Лиза прятала в карман его куртки маленькие бумажные сердечки, вырезанные из тетрадных листов, чтобы он находил их на лекциях в техникуме.

Первый год пролетел в прогулках и длинных разговорах до темноты. Они сидели на берегу озера, где вода отражала огни редких фонарей. Там Марк впервые серьёзно сказал:

— Я хочу, чтобы через десять лет мы пришли сюда и смеялись над тем, какими были глупыми.

Лиза тогда рассмеялась и поклялась, что обязательно придёт. Они ни на секунду не сомневались, что всю жизнь проведут вместе, уверенные, что время — их союзник.

Школьные выпускные стали для них не просто праздниками, а вехами. Когда Лиза танцевала в своём первом длинном платье — бледно-голубом, сшитом мамой на заказ, — Марк смотрел на неё так, будто видел чудо. Он держал её за руку чуть крепче обычного, словно боялся, что мир вдруг вспомнит, какой он огромный, и попытается её отнять.

Были и первые серьёзные ссоры. Из-за ревности, из-за недосказанности, из-за страха. Лиза злилась, когда Марк задерживался на подработке в мастерской, не отвечал на сообщения. Марк сердился, когда видел, как одноклассники слишком долго смотрят на неё, когда она, смеясь, отвечает на их подколы.

Но каждая их размолвка заканчивалась одинаково — на том самом берегу озера. Они молчали, глядя на воду, и постепенно слова находились сами. Иногда они просто сидели бок о бок, и этого было достаточно.

На четвертом году их отношений, осенью 2004 года, Лиза уехала учиться в соседний город — в педагогический колледж, о котором мечтала с детства. Расстояние измерялось всего одним часом на электричке, но Марку казалось, будто между ними выросла стена.

Они учились жить в звонках по вечерам, в видеосообщениях, в редких выходных, которые становились праздниками.

ми. Каждая встреча была как первое свидание — с лёгкой неловкостью и трепетом. Марк встречал её на вокзале с цветами, которые покупал у бабушек у перехода. Лиза бежала к нему, забывая о сумке, которая падала ей на плечо.

— Это временно, — повторял Марк, когда они прощались на перроне, и его голос дрожал. — Мы просто строим фундамент.

Лиза верила. Она представляла их будущую квартиру с большими окнами, которые Марк спроектирует сам. Она видела, как по утрам они будут пить кофе на балконе, а вечерами спорить о цвете стен. Она видела детей — двоих, мальчика и девочку, — которые будут рисовать на обоях, пока папа сердится, а мама смеётся.

Пять лет они были неразлучны — даже когда не находились рядом. Они росли, менялись, становились взрослее. Лиза научилась отстаивать своё мнение, Марк — слушать. Они строили не только мечты, но и терпение.

Казалось, их будущее предрешено и высечено в граните. Слишком много было обещаний, слишком много совместных рассветов и закатов, чтобы всё это могло оказаться хрупким.

Они не знали одного — что гранит тоже трескается.

Глава 2. Тень раздора

Осень пришла незаметно. Сначала похолодали вечера, потом листья у леса возле озера стали рыжими, а воздух — прозрачным и острым. Именно тогда в их жизни появилась Карина.

Лиза впервые услышала о ней случайно — в октябре, за неделю до своего двадцатилетия.

— В нашей компании друзей появилась новенькая, — сказала подруга Света по телефону, и в её голосе звучало что-то невыразимое, что Лиза не сразу распознала как сочувствие. — Она переехала сюда работать с соседнего городка. Знаешь, я видела, как Марк гулял с ней по набережной озера.

Она произнесла это легко, почти равнодушно. Но что-то в сердце Лизы оборвалось — как нитка, которую тянули слишком долго.

Марк познакомился с ней на общем проекте. Они вместе работали над макетом современного культурного центра — конкурсный проект, который мог определить его карьеру. Карина была выпускницей столичного вуза, приехавшей в провинцию «для практики». Она предлагала дерзкие формы — стекло, металл, асимметрию, цвета, которые Марк никогда бы не осмелился использовать.

— Здания должны спорить с небом, — говорила она, и в её голосе была такая уверенность, что Марк слушал, забывая

о времени.

Сначала это было просто восхищение чужой смелостью. Потом — желание доказать, что он тоже способен на большее. Он стал задерживаться в мастерской, возвращаться поздно, отвечать на сообщения короче обычного. В его голосе появилась рассеянность, которую Лиза сначала принимала за усталость.

— Ты устал? — спрашивала она по телефону, и он отвечал что-то невнятное, и она слышала, как в трубке доносятся чужие голоса, смех.

Однажды Лиза приехала к нему без предупреждения — с термосом чая и его любимыми булочками с корицей, которые пекла мама специально для него. В мастерской горел свет. Через стеклянную перегородку она увидела их вдвоём: Марк и Карина стояли над макетом, спорили, смеялись. Карина что-то чертила на листе, Марк наклонялся ближе, их плечи почти касались. Она сказала что-то, он рассмеялся — тем самым смехом, который раньше принадлежал только Лизе.

Это было невинно. С виду — просто коллеги, работающие над проектом. Но Лиза почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось, как будто кто-то сжал её сердце в кулак.

Она не вошла. Она поставила термос в подъезде, у двери мастерской, и уехала на первой же электричке, не дожидаясь объяснений.

Позже Марк признался сам. Не сразу — прошло две неде-

ли, две недели странного молчания, недосказанности, ночей без сна.

— Я не понимаю, что происходит, — сказал он однажды ночью, сидя напротив Лизы на кухне её дома. Его глаза были красными, руки тряслись. — Это не любовь. Я люблю тебя. Но рядом с ней... всё как будто быстрее. Я чувствую себя другим.

— Каким? — тихо спросила Лиза. Её голос звучал ровно, хотя внутри всё кричало.

— Смелым. Непредсказуемым. Не таким правильным.

Слово «правильным» повисло между ними, как обвинение. Лиза посмотрела на него и впервые увидела не своего рыцаря, а растерянного мальчика, который боится собственной жизни.

Марк начал метаться. Уходил к Карине — якобы «разобраться в себе», «понять чувства», «не обманывать никого». Через неделю возвращался к Лизе — с глазами, полными вины и страха.

— Прости меня. Я ошибся. Мне нужна ты. С тобой — дом. С ней — буря.

Лиза прощала. Потому что Марк был частью её души, выпитанной в неё за пять лет. Потому что пять лет нельзя вычеркнуть одним резким движением. Потому что она верила: это просто кризис, взросление, испытание, которое они переживут вместе.

Но с каждым его «уходом» часть её души умирала.

Впервые она по-настоящему испугалась в тот вечер, когда Марк не вернулся. Он обещал приехать на годовщину — пять лет с того дня в парке. Лиза приготовила ужин, достала из коробки старые записки, которые он когда-то писал, поставила свечи на столе.

Время шло. Телефон молчал. Свечи догорали, воск стекал на скатерть, которую вышивала бабушка.

Сообщение пришло ближе к полуночи:

«Я не приеду. Нам нужно время».

Она не плакала. Просто сидела в тишине и смотрела на свечи, которые медленно гасли, оставляя чёрные следы на белой ткани.

Через несколько дней Марк стоял у её двери — растерянный, измученный, с небритым лицом и запахом чужих духов.

— Я не могу без тебя, — сказал он. — Понимаешь? Я пытаюсь уйти, но всё равно возвращаюсь.

— А к ней? — спросила Лиза. Её голос был пустым.

Он не ответил сразу. И этого молчания оказалось достаточно.

Они встретились на берегу озера — там, где когда-то клялись смеяться над своей глупостью. Вода была тёмной, почти чёрной, и от неё веяло холодом предстоящей зимы.

— Я больше не могу делить тебя с ней, — сказала Лиза спокойно, без надрыва. — Даже если ты здесь, ты уже не мой.

Марк сделал шаг к ней.

— Я выберу тебя.

— Ты должен был выбрать давно. Без пауз. Без «разобраться».

Он пытался взять её за руку, но Лиза отступила. В её глазах не было слёз — только усталость двадцатилетней женщины, которая устала бороться за то, что должно принадлежать ей по праву.

— Любовь не должна быть соревнованием, Марк. Я не хочу побеждать. Я хотела быть единственной.

Ветер тронул воду, и отражение фонарей дрогнуло. Марк стоял, не зная, что сказать. Впервые за пять лет он выглядел по-настоящему потерянным.

Лиза повернулась и пошла прочь. Каждый шаг отдавался внутри болью, но вместе с болью появлялось странное чувство — как будто она возвращает себе что-то забытое, что-то важное, чем пожертвовала ради него.

Марк остался у озера один.

А тень раздора, появившаяся тихо и незаметно, сделала своё дело.

Глава 3. Побег в чужую жизнь

После расставания дни растянулись в вязкую серую полосу. Лиза жила будто в приглушённом звуке: люди говорили, машины ехали, за окном менялась погода — а внутри всё оставалось неподвижным, застывшим в момент прощания у озера.

Самым страшным оказалось не одиночество, а тишина. Та самая тишина, в которой больше не ждали сообщений, не вслушивались в шаги у двери, не проверяли телефон каждые пять минут.

Марк пытался писать. Коротко, сбивчиво. «Как ты?» — будто между ними не было разлома глубиной в пять лет. Лиза не отвечала. Каждый непрочитанный текст был маленькой победой над собой, над той частью, которая всё ещё кричала «ответь ему».

И именно в это время рядом оказался Артём.

Он принадлежал к тем мужчинам, рядом с которыми тревоги отступают сами собой — словно мир снаружи может бушевать, но до тебя он уже не дотянется.

Надёжный, спокойный, с мягкой улыбкой и внимательным взглядом. Он знал Лизу давно — ещё со школы, где учился параллельно, но всегда оставался в тени. Тогда он носил ей учебники, когда она забывала свои, однажды подрался с одноклассником, который позволил себе грубость в её

адрес. Но Лиза всегда смотрела мимо него — туда, где стоял Марк.

Теперь Артём приходил просто так. Без громких слов, без объяснений. Привозил продукты, если знал, что у неё сложная неделя. Чинил кран, который месяцами капал в ванной. Однажды он оставил у её двери пакет с апельсинами и записку: «Чтобы было немного солнца».

— Тебе не нужно меня спасать, — сказала Лиза однажды, когда они сидели в кафе у окна. За стеклом шёл ноябрьский дождь, и она смотрела на капли, стекающие вниз, как слёзы.

— Я и не спасаю, — спокойно ответил он. — Я просто рядом. Если позволишь.

В этом «если позволишь» не было давления. Только выбор.

Но Лиза чувствовала, что тонет. Ей казалось, что если она останется одна, воспоминания о Марке рано или поздно заставят её вернуться. А возвращаться — значило снова разрушаться, снова стоять у озера и умолять его выбрать.

Предложение Артёма прозвучало тихо, почти буднично, в сентябре, когда за окном уже пахло грибами и дымом от ближайших дач, где люди сжигали прошлогоднюю листву. Они сидели на скамейке у входа в её подъезд — он пришёл починить замок, который заедал, и остался на чай. Вечер стремительно темнел, обрезая дни, и где-то вдалеке гудел тепловоз на станции, унося кого-то в другую жизнь.

— Выходи за меня, — сказал он, глядя не в её глаза, а на

свои руку — широкую, с зацепленным ногтем, рабочую. — Я не обещаю бурь. Но обещаю, что не причиню тебе боль. Никогда.

Лиза смотрела на трещину в асфальте, по которой пробивалась трава. Она думала о том, что через неделю — день рождения Марка, и она всё ещё помнит, какой торт он любит. Она думала о том, что электричка в его город уходит в 16:40, и она всё ещё знает расписание наизусть. Она думала о том, что если скажет «да» — эта трещина зарастёт, и она больше никогда не увидит озеро таким, каким оно было в их последний вечер.

— У тебя есть время подумать, — добавил Артём, как будто читая её мысли. — Я не уйду. Я никуда не тороплюсь.

И в этих словах — в этом «никуда не тороплюсь» — было то, чего она лишилась. Время перестало быть её союзником. Оно стало врагом, который тащил её к тридцати, к сорока, к тому моменту, когда оглянуться будет уже некуда.

Она не ответила сразу. Ночью она долго сидела на подоконнике и смотрела на огни города, которые мерцали в темноте, как чужие жизни, недоступные и яркие. Она спрашивала себя: это предательство — выходить замуж без любви? Или это способ выжить, когда внутри всё разбито, и каждое утро — подвиг просто встать с постели?

Она вспомнила маму, которая всю жизнь работала на заводе и верила, что «главное — чтобы человек был порядочный». Она вспомнила подруг, которые уже разводились,

плакали в подушки, возвращались к мамам с чемоданами и детьми. Она вспомнила, как сама смотрела на Артёма мимо, туда, где стоял Марк — и как теперь Марк стоял где-то там, за чертой горизонта, с чужой рукой в своей.

Через неделю она согласилась.

Не с криком «да!», не со слезами счастья. Просто кивнула, когда он снова пришёл — с апельсинами, как всегда, — и сказала:

— Хорошо. Давай попробуем.

Свадьба была скромной — в январе, в ЗАГСе, с ближайшими родственниками. Белое платье, в котором Лиза чувствовала себя немного чужой, как костюм напрокат. Артём держал её руку бережно, как хрупкую вещь, которую боятся уронить. В его глазах светилась искренняя благодарность — будто он получил дар, о котором давно молился, но не осмеливался надеяться.

А за окном шёл снег, и Лиза думала о том, что где-то там, в другом конце города, Марк, наверное, тоже смотрит на снег — и думает ли он о ней?

Она не знала, что в этот же вечер Марк стоял у окна своей мастерской, смотрел на падающие хлопья и чувствовал, как в груди что-то окончательно отмирает. Он не знал о свадьбе — ему скажут завтра, от общих знакомых, с лёгкостью, с которой сообщают о погоде.

— Вот, значит, как, — произнесёт он позже, глядя куда-то мимо Карины. — Выбрала спокойствие. Тихую гавань вме-

сто шторма.

Карина не отвела взгляда. Она давно замечала то, что Марк упорно отрицал: даже после расставания Лиза продолжала жить в нём — не в словах, а в паузах, в неожиданных вспышках раздражения, в той пустоте, которая возникала, когда разговор заходил о прошлом.

Это была тень, которую нельзя было прогнать, потому что она рождалась из света, когда-то слишком яркого для них обоих.

— Если тебе всё равно, — холодно произнесла она, — почему ты так реагируешь?

Марк не ответил. В ту ночь он впервые по-настоящему понял, что Лиза может исчезнуть из его жизни окончательно. Не как вариант. Не как запасной путь. А навсегда.

В порыве злости и отчаяния он сделал то, что умел лучше всего — бросился вперёд, не думая о последствиях.

— Выходи за меня, — сказал он Карине спустя месяц. — Давай перестанем жить наполовину.

Карина улыбнулась. В её улыбке было торжество и тревога одновременно — она знала, что выиграла битву, но сомневалась, выиграла ли войну.

Их свадьба была другой — громкой, яркой, с музыкой до утра. Карина сияла в пышном платье и с ярким макияжем, как королева, которой всё принадлежит по праву. Марк пил слишком много, смеялся слишком громко, танцевал так, будто хотел доказать миру — и себе — что сделал правиль-

ный выбор.

Две судьбы разошлись, как поезда на заброшенной станции, унося героев в разные стороны.

Лиза переехала в другой район города. Новая квартира, новые шторы, новая фамилия. Артём старался окружить её заботой. Он планировал отпуск, говорил о будущем, о детях. Его любовь была ровной, как спокойная река.

Иногда Лиза ловила себя на мысли, что рядом с ним легко дышать. Не нужно бояться внезапных бурь, исчезновений, сомнений. Но в этой лёгкости было и что-то непривычное — отсутствие огня, который сжигал бы изнутри.

Марк с Кариной жили на пределе. Они спорили так же страстно, как мирились. Их отношения напоминали архитектурный проект без фундамента — эффектный фасад и трещины внутри. Карина не терпела сравнений, даже невысказанных. Марк раздражался от её попыток контролировать его прошлое.

Однажды, поздним вечером, Лиза случайно увидела Марка на улице. Он стоял у витрины магазина, задумчивый, уставший. Их взгляды встретились всего на секунду. Никто не подошёл.

В этой короткой паузе было всё — пять лет нежности, тень раздора и их поспешные побеги.

Поезда ушли в разные стороны.

Но иногда рельсы всё ещё звенели в памяти, напоминая, что чужая жизнь — не всегда новая. Иногда это просто дру-

гая версия той же самой боли.

Глава 4. Пятнадцать лет тишины

Жизнь не рухнула — она просто потекла дальше. Без громких финалов, без трагических сцен. Время оказалось самым строгим и самым милосердным судьёй: оно не стирало память, но притупляло края.

Первый ребёнок родился в снежную зиму 2011 года. Мальчик — с тёмными глазами и упрямым подбородком, как у Артёма. Лиза смотрела на него и впервые за долгое время плакала от счастья, а не от боли. Она назвала его Мишей — в честь деда, которого никогда не знала, но о котором рассказывала мама.

Через четыре года, весной 2014, появился ещё один сын — Ваня. Шумный, тёплый, всегда бегущий к ней с раскинутыми руками, как маленький снаряд любви.

Дом наполнился игрушками, детским смехом, запахом пирогов по воскресеньям. Артём оказался именно тем отцом, каким Лиза и представляла: терпеливым, внимательным, почти незаметным в своей заботе. Он вставал к детям по ночам, читал им перед сном, молча чинил всё, что ломалось — от велосипедов до настроения.

Он никогда не спрашивал о Марке.

И Лиза была благодарна за это молчание.

Иногда, перебирая старые вещи, она находила коробку с письмами и фотографиями. Несколько раз она собиралась

выбросить её — но каждый раз возвращала на место. В самый дальний ящик комода. Туда, где хранятся не вещи — версии себя, которые больше не существуют, но без которых невозможно понять, кто ты сейчас.

Она научилась быть счастливой «наполовину». Это была не трагедия, а компромисс. В её жизни было тепло, устойчивость, уважение. Не было только той дрожи в голосе, того безумного блеска в глазах, когда мир сужается до одного человека.

Иногда, когда дети засыпали, Лиза выходила на кухню, наливала себе чай и смотрела в окно на огни соседних домов. В такие минуты ей казалось, что где-то в другом конце города живёт её параллельная жизнь — несбывшаяся, но не исчезнувшая. И она тихо закрывала занавеску, возвращаясь к своей реальной жизни.

У Марка с Кариной родились дети — дочь Полина и сын Сергей. Карина воспитывала их строго, с амбициями. Полина должна была быть лидером, Сергей — не уступать. В их доме редко звучал смех — чаще указания, расписания, требования.

Марк работал много. Сначала — чтобы доказать Карине, что она не ошиблась, выбрав его. Потом — чтобы не думать о том, что выбор был сделан неправильно.

Он действительно стал тем, кем когда-то мечтал быть: известным архитектором. Его проекты побеждали в конкурсах, его приглашали читать лекции в столичных вузах. Стек-

лянные фасады его зданий отражали небо, спорили с горизонтом — так, как любила Карина.

Но внутри него постепенно росла усталость. Та самая, которую он видел в глазах матери, когда был ребёнком, и которую клялся никогда не допустить в свою жизнь.

Брак с Кариной был похож на длинный профессиональный союз. Они уважали силу друг друга, но редко — слабости. Их ссоры были холодными, точными, без слёз. Самым тяжёлым в их отношениях стало не напряжение, а отчуждение, которое росло между ними, как невидимая стена.

— Ты всё ещё где-то не здесь, — однажды сказала Карина, когда они лежали в постели спиной к спине.

— А ты всё ещё хочешь победить, — ответил он.

Они перестали касаться друг друга без причины. Перестали делиться тем, что болит. Перестали быть «мы».

Марк стал суровым. Он редко улыбался — только детям, когда те засыпали на диване с книгами в руках. Иногда, глядя на них, он думал о времени. О том, как легко можно потерять то, что кажется вечным.

Имя Лизы он не произносил много лет. Но однажды, случайно услышав его на улице — кто-то окликнул девушку, и голос прозвучал похоже, — он обернулся слишком резко, чуть не споткнувшись.

Город действительно был слишком тесен для них двоих. Они ходили по одним улицам, дышали одним воздухом, но словно по разным измерениям. Кто-то из общих знакомых

упоминал вскользь: «У неё двое детей, младший пошёл в школу» или «Он сейчас строит новый культурный центр».

Каждый кивал, делая вид, что это просто новость.

Пятнадцать лет — это достаточно, чтобы стать взрослыми. Достаточно, чтобы понять: страсть не всегда равна любви, а стабильность — не всегда равна счастью. Достаточно, чтобы признать свои ошибки хотя бы перед собой.

Лиза научилась ценить тишину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.